

Вернувшись в поместье, князь Лянь пришел в такое бешенство, что начал крушить все подряд.

– Каких же прекрасных идей вы набросали! Прекрасно, просто прекрасно! Идите же, пусть этот прославленный своей ученостью молодой господин Чжочин как следует поучает императора!

Несколько приближенных советников опустили на колени. Глава храма Дали Лянь Куо стоял ближе всех, когда пролетевшая мимо хрустальная чаша со звоном разбилась прямо перед ним.

Лянь Куо испуганно вздрогнул, обернулся и отчаянно замигал Ли Хэюну.

Разве не ты уверял, что все пройдет без сучка и задоринки? Раз уж всё пошло прахом, так хоть слово скажи!

Остальные советники сидели тише воды, ниже травы, и лишь Ли Хэюн сохранял невозмутимость.

– Вашему Высотельству не о чем беспокоиться. Хотя молодой господин Чжочин и обладает громкой славой, он все же молод, и Его Величество не станет ограничиваться лишь одним наставником.

Подразумевалось, что Ши Сюэзе тоже можно будет тихонечко пристроить ко двору.

Однако лицо князя Лянь ничуть не прояснилось:

– Разве ты не слышал, что он только что сказал?

Ли Хэюн опустил взгляд.

Получив официальное назначение прямо перед толпой придворных, Сяо Чжочин, к неслыханному удивлению, почтительно поклонился и выразил благодарность:

– Этот подданный тронут глубокой заботой Вашего Высочества и сделает все возможное, не посрамив возложенного на него доверия. Если настанет день, когда Его Величество исцелится,

я буду рад отпраздновать это вместе с Вашем Высочеством.

Князь Лянь едва не задохнулся от ярости.

Сделать все возможное? Ты всерьез хочешь превратить Фэн Юаньси в нормального человека? А что тогда делать ему самому?

Снова устраивать переворот? Снова принуждать императора к отречению?

Спустя сто лет историки будут плевать ему в спину и клясть последними словами, его могилу разроют и надругаются над костями, а в загробном мире император Тай-цун от души отвесит ему пару пощёчин – и все это достанется ему, а вовсе не тем советчикам, что так ловко раздавали советы!

Под свирепым взглядом князя Лянь Ли Хэюн заговорил снова:

– Неужели Ваше Высочество и вправду верит, что пара прочитанных мудрых книг способна изменить Его Величество?

– ...М? – князь Лянь резко обернулся.

– Иначе почему великий наставник Цзян Лу, приложив столько усилий, в конце концов бесславно бежал на Юг? – произнес Ли Хэюн.

Князь Лянь подумал и признал: а ведь верно. В столице талантливых мужей пруд пруди, и Сяо Чжочин – далеко не единственный.

Если бы у Сяо Чжочина и вправду имелся такой дар, чтобы за пару уроков обратить Фэн Юаньси в праведного правителя, разве многолетние труды того же Цзян Лу не превратились бы в посмешище?

Его лицо немного разгладилось, но он все же холодно фыркнул:

– Но вид у него был донельзя преданный. Если отправить его к императору, не породит ли это новую смуту?

Ли Хэюн покачал головой:

– Ваше Высочество, мы подослали людей единственно затем, чтобы держать руку на пульсе и ведать о каждом шаге императора. Сяо Чжюцин хоть и умом велик, но семейство Сяо из века в век славится лишь простодушными книжниками, что живут своими высокими идеалами. Раз уж этот человек исполнен искренности и свято верует в добродетель Вашего Высочества, то в чьих же руках окажутся все возможные перемены, если не в Ваших?

Князь Лянь прищурился:

– Ты хочешь сказать...

Ли Хэюн почтительно склонил голову:

– Ваше Высочество, порой невзначай посаженная ива дает густую тень. Полезность подобных людей всецело зависит от того, как именно ими воспользуются.

Двор Изогнутой Террасы.

С тех пор как император занемог, он безвылазно обитал здесь.

Так повелел сам князь Лянь. Двор Изогнутой Террасы был просторным и безмятежным, мимо него тихо журчали воды канала, стекающие из пруда Линьхуа, а фэншуй почитался идеальным – ничто не подходило лучше для государя, страдающего от столь тяжкого недуга.

– Хозяин, вести доставлены.

Глубокой ночью во дворе Изогнутой Террасы царил запустение, тени от деревьев ложились густыми узорами. Темный силуэт опустился на одно колено, придерживая меч; спина его была прямой, как струна.

В ответ слышалось лишь мерное бульканье воды.

– Человек у пруда Линьхуа – это второй молодой господин из рода графа Янь, Сяо Чжюцин, нынешний обладатель почетного звания первой степени на экзаменах. После ухода Его Величества он вместе с процессией князя Лянь вернулся к праздничным столам, а перед входом в главный зал отлучился сменить одежду, из-за чего на мгновение разминутся с

князем.

– Мм.

Фигура у ручья поднялась во весь рост, держа в руке ощипанного догола крупного гуся.

Он двинулся к возвышающемуся главному залу, а темная тень бесшумно скользнула следом, держась в трех шагах за его спиной.

– Он мило беседовал с князем Лянь. Вернувшись в Нефритовый зал, князь во всеуслышание объявил, что он сменит великого наставника Цзян Лу и станет обучать Его Величество грамоте.

Шаги идущего впереди слегка замедлились.

За его спиной в голосе темной тени явственно прозвучал леденящий душу кровожадный холод:

– Ваше Величество, как с ним поступить?

Вместо ответа раздался глухой, яростный звериный рык.

Среди звонкого лязга тяжелых цепей государь резким взмахом руки швырнул мертвую птицу прямо в пасть нетерпеливо скалившемуся псу.

Огромная, с человеческий рост собака набросилась на тушу, разрывая плоть. Под треск крошащихся костей над землей пронеслась зловещая тень, и острый, подобный лезвию порыв ветра полоснул темного стражника по щеке.

– Не твое дело.

Фэн Юаньси бросил косой взгляд назад и, не оглядываясь, шагнул в темную глубь дворцовых палат.

Чжаоэ вновь принес вести о Ван Юане.

Тот поселился вместе с Юнь Циэр во временном доме своего побратима Хуан Тяньхуа. Трехдворная усадьба располагалась в самом известном столичном квартале красных фонарей, так что Ван Юань, перебравшись туда с девчонкой, преспокойно провел там пару деньков.

Но не прошло и двух дней, как Хуан Тяньхуа проигрался в кости и за долги спустил всю усадьбу целиком.

Кредитор оказался отнюдь не прост – молодой господин знатного рода. Когда упрямый Ван Юань отказался съезжать, тот лично привел с дюжину слуг и выгнал парочку пинками, словно паршивых псов.

Ван Юань бросился за помощью к побратиму, но тем самым лишь невольно выболтал дома о карточных долгах Хуан Тяньхуа. В итоге его самого выставили вон, а Хуан Тяньхуа разъяренный отец запер во внутренних покоях, грозя переломать ноги прямо перед родовыми табличками предков.

Покинув это позорище, Ван Юань брел по улице и на все лады костерил небеса:

– Какого хрена я вообще попал в этот долбаный мир? У всех нормальных людей то целебные источники, то системы, на худой конец – богатые папаши, а я кто? Рабочая лошадь, блин! Притащил целый фургон с курьерским барахлом, а толку ноль, распаковал – одна помойка!

Затем он принялся изрыгать ругательства, которых Чжаоэ вовсе не понял: бросался фразами вроде «эти клиенты – сплошные нищebroды» и возмущался, почему «никто в интернете не заказывает массивные золотые браслеты», отчего голова стража пошла кругом.

– Молодой господин, что за «курьерский фургон»?

Сяо Чжоцин уже вычитал в книгах, что «курьерской доставкой» на языке Ван Юаня именовались свертки, которые тот перевозил для других.

Вот только тот вскрывал чужие посылки безнаказанно, да еще и бранил их владельцев на чем свет стоит, и Сяо Чжоцин никак не мог взять в толк этого человека.

- Продолжай, - велел он.

Чжаое отдал честь и продолжил:

- Тот дом находился на улице Весенних Вод, верно? Не успел он отойти и пары шагов, как перед башней Обитель Весны завязался поэтический поединок. Победителю обещали верхние покои башни и право целый месяц жить там даром! И кто бы мог подумать, у этого типа и впрямь нашлись кое-какие таланты - выдал какое-то семисложное четверостишие, да так потряс всех присутствующих, что заслужил главную победу!

- Какое же стихотворение он прочел?

- «Друг простился с Желтым Журавлем у старой башни, в дымке вешних дней спешит в Янчжоу он важный...»

Чжаое читал с выражением, и даже презирая Ван Юаня всей душой, не удержался от похвалы:

- И правда дивные стихи!

Но вскоре у него снова возникли вопросы:

- Молодой господин, а где эта башня Желтого Журавля? Почему я никогда о ней не слышал?

Сяо Чжочин подумал про себя: в «эпохе Тан» - конечно, не слышал.

Стихотворение, что выпалил Ван Юань, было наглейшим плагиатом. Башни Желтого Журавля в Великой Шан не существовало в помине, а поэта по имени Ли Бай почитали мастером из совсем иного мира.

Говорили, что в родном мире Ван Юаня эти строки заучивали наизусть с пеленок, и даже малыши-мальчишки щелкали их как орехи, так что неудивительно, что это была едва ли не единственная поэма, которую он смог вспомнить.

Как бы то ни было, теперь на улице Весенних Вод всюду распевали творения «великого таланта» Ван Юаня.

В романе «Похищающий князей» этот эпизод тоже описывался, так что Сяо Чжочин ничуть не

удивился.

Там Ван Юань точно так же благодаря стишку сделался почетным гостем Обители Весны: собравшиеся гости сыпали восхищенными похвалами, а главная куртизанка башни даже удостоила его мимолетного, полного нежного трепета взгляда.

А что же сам Ван Юань?

Поднявшись наверх, он принялся с умным видом рассуждать обо всем – от убранства Обители Весны до ее бизнес-модели, неся бессвязную чушь и раздавая направо и налево самонадеянные советы.

Хозяйка заведения сочла его безумцем – улыбалась в лицо, а за глаза закатывала глаза. Зато молодые господа из богатых семей были одурачены его речами настолько, что тут же во всеуслышание объявили: все траты господина Вана оплачивают они, ибо жаждут напиться с ним до бесчувствия.

Красавица-куртизанка же и вовсе пала жертвой его красноречия, воспылав к нему тайной страстью; однако, гордо задрав подбородок и холодно изогнув брови, она лишь поднесла Ван Юаню чарку вина и упорхнула.

Если следовать сюжету книги, то уже через несколько дней Ван Юань при поддержке новых друзей отыщет следы своего потерянного амулета, обретет истинных родственников и вернется в лоно знатной семьи.

Сяо Чжоцин прекрасно знал, кем был отец Ван Юаня, и изменить этого он не мог.

Но вот линия судьбы... Порой малейшая погрешность способна увести все далеко в сторону.

А потому перед этим он решил, что, пожалуй, может кое-что предпринять.

Не прошло и нескольких дней, как вступил в силу указ о назначении Сяо Чжоцина.

Совмещая две должности, он по утрам отправлялся во дворец обучать императора – на все про все уходило не больше двух часов, – а по окончании уроков спешил в присутствие храма Дали.

Чиновник, доставивший императорскую волю, с улыбкой пояснил, что князь Лянь, опасаясь излишней усталости молодого господина Чжоцина, выпросил у государя и других наставников – исключительно из заботы об ученом муже.

Сяо Чжоцин несколько не удивился. Князь Лянь преследовал совсем иные цели, и если бы они не протащили в наставники Ши Сюцзе, то не успокоились бы.

Зато друзья Сяо Чжоцина были потрясены до глубины души.

Тогдашний спор над чашей вина затевался лишь ради хмельной беседы, и хотя они все вместе сдавали императорские экзамены в залах Гунъюаня, а триумф Сяо Чжоцина почитался всеобщим праздником...

С чего бы ему вдруг всерьез подаваться в чиновники, да еще и прислужники князя Лянь?

Син Яо и остальные в тот же день явились к нему с уговорами, убеждая его со слезами на глазах, едва ли не падая на колени:

– Чжоцин, клика князя Лянь – не более чем сборище сброда, ты же сам это говорил! Тебе чужды богатство и власть, к чему же идти к ним в услужение?

Сяо Чжоцин помолчал немного и серьезно ответил:

– Я в последнее время усердно читаю «Записи об удивительных делах Великой Шан».

Вскоре в стенах храма Дали одно за другим начнутся загадочные расследования, которые всколыхнут столицу и перевернут устои двора.

Син Яо только руками всплеснул:

– ...Да будь твоя воля хоть трижды своевольна, нельзя же так безрассудно пускаться во все тяжкие!

Едва проводив друзей, Сяо Чжочин вернулся в свой двор Уединения и нос к носу столкнулся с младшим братом.

Сяо Чжочин не допускал и мысли, что в его двоюродного брата вселился злой дух, а потому Сяо Сун с пылающим взглядом выпалил:

– Это все тот старый плуг князь Лянь принудил тебя угрозами? Второго братца, мы его не боимся! Коли он посмеет поднять руку, я умру за тебя!

Сяо Чжочин вздохнул:

– Умирать за меня не требуется. Где тот лук из ясеня с роговыми накладками, что матушка привезла с Западного края? Помнится, он неподъемный, ты еще не можешь с ним сладить.

Глаза Сяо Суна мгновенно загорелись:

– Понял!

...Что именно он понял?

Сяо Чжочин недоуменно проследил взглядом за тем, как Сяо Сун пулей умчался прочь, а когда вернулся, за ним следовали двое слуг, несших тяжелый деревянный ящик.

Крышку откинули: внутри лежал бесценный ясеневый лук, массивный и изящный, тетива матово силела – с первого взгляда было ясно, что перед ним настоящее сокровище.

Сяо Сун воинственно замахал кулаками:

– Второй братец, ты ведь собрался застрелить из него старого пса князя Лянь? Обеими руками за!

Сяо Чжочин: – ...

Сяо Сун ткнул пальцем в слуг:

– Матушка сказывала, у этого лука усилие в три даня, натянуть его – сущее мучение, тебе в одиночку не справиться. Но ничего, эти двое – лучшие бойцы из моих людей, пусть идут с тобой: один прижмет князя Лянь к земле, а другой прикончит его!

Сяо Чжочин поднял глаза на несчастных слуг. Лица обоих были белее мела, и взглядом они умоляли его не посылать их на столь явную плаху.

- ...Отнесите в мою карету.

Сяо Сун все еще командовал:

- Сопровождайте карету до конца и во всем слушайтесь второго братца, уяснили?

Сяо Чжочин приложил пальцы к переносице:

- Им незачем ехать.

- Братец, неужто ты решился действовать сам?

- ...?

Сяо Сун взмолился:

- Братец, братец, возьми меня с собой! Я хочу взглянуть...

- На что ты собрался взглянуть? - осведомился Сяо Чжочин.

- Ну как на то, как ты снесешь этому старому псу собачью ба...

- Этот лук я везу во дворец. Для Его Величества.

<http://bllate.org/book/18810/1865676>